

О. А. ГУЛЕВИЧ

Господа присяжные заседатели

(Размышления психолога)

Что такое суд присяжных?

Присяжным может стать любой гражданин, достигший 25-летнего возраста и проживающий на территории, где введен институт суда присяжных. Кандидат в присяжные заседатели может быть вызван в суд. Затем начинается процедура отбора, во время которой кандидат должен ответить на некоторые вопросы, а потом жребий решает, кому стать присяжным. Адвокат и прокурор, участвующие в процессе, также обладают правом отвода определенного количества кандидатов.

Итак, коллегия сформирована, началось судебное следствие. Перед присяжными выступают свидетели, потерпевший, подсудимый, эксперты, зачитываются документы. После чего начинаются судебные прения, во время которых адвокат и прокурор излагают свои версии происшедшего. Принцип состязательности сторон — один из основных, который необходим для функционирования суда присяжных.

Заседание в суде присяжных часто сравнивают со спектаклем. Можно было бы согласиться с таким сравнением, если бы присяжные выступали только в роли наблюдателей, т. е. зрителей, но они — люди, выносящие решение. Присяжные должны ответить на три вопроса: доказано ли, что преступление совершил подсудимый? виновен ли он в этом? заслуживает ли он снисхождения или особого снисхождения? Присяжным дается три часа на обсуждение этих вопросов. Если по истечении этого времени они не придут к единому мнению, будет проведено голосование.

Судья назначает срок в соответствии с ответом, который дали присяжные на поставленные вопросы. Таким образом, присяжным передается часть полномочий судьи. На его долю остается регулирование происходящего процесса и вынесение приговора. Тем не менее судья остается фигурой, играющей значимую роль в процессе.

Вопросы, которые обсуждаются юристами, касаются самой идеи суда присяжных — суда непрофессионалов, своевременности его введения и материальных проблем, связанных с этим, совершенства закона. Проблемы, которые хотелось бы затронуть в данной статье, не чисто юридические.

Задача суда — искать и найти объективную истину по делу. Эта установка так сильна, что даже некоторые молодые адвокаты, в функцию которых входит защита подсудимого, видят свою задачу в поиске объективной истины. В какой мере непрофессионалы, «люди с улицы», справятся с этой задачей?

Весьма распространенный идеал справедливости гласит: каждому по содеянному. Тогда судья может быть уподоблен компьютеру. На входе — материалы дела, на выходе — однозначный, единственно возможный ответ. Судья, который привел это сравнение, считает, что такое вряд ли возможно. Можно привести пример. В Правовой академии шел игровой процесс. По материалам реального дела был разыгран спектакль, в котором все роли — адвоката, прокурора, свидетелей, эксперта — играли сами судьи. Коллегия присяжных тоже состояла из судей. Остальные судьи находились в зале.

Спектакль закончен. Игровая коллегия ушла в совещательную комнату обсуждать и принимать вердикт. А я пошла брать интервью у судей, оставшихся в зале. Я просила ответить на вопросы о доказанности преступления, виновности подсудимого и снисхождении. Подчеркиваю, все судьи видели один и тот же процесс с участием одних и тех же людей, прослушали одни и те же доказательства. А в

Гуле в ич Ольга Александровна — выпускница психологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

результате — два взаимоисключающих решения: обвинение доказано и обвинение не доказано, подсудимый виновен и подсудимый не виновен. Самое интересное, что когда я просила их обосновать свое решение, обе стороны ссылались на одни и те же показания, только на разные их части. Исключением стали показания потерпевшего, которому сторонники оправдательного приговора не очень верили. Излишне говорить, как бы отличались приговоры, вынесенные тем или иным судьей.

Это не значит, что решение по делу всецело зависит от судьейского произвола. Закон существует. Но закон — система общих положений, а в суде разбираются конкретные ситуации. Из противоречивых показаний судье приходится выбирать те, на которых он и строит свое решение. Здесь и начинаются разногласия.

Как же тогда выносятся решения? Именно с этим вопросом связаны многие «но» при введении суда присяжных.

Решению предшествует заседание, во время которого присяжные и могут получить тот материал, на основе которого должны вынести свой вердикт.

Происходящее в зале суда можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, собственно факты: кто совершил преступление, как он это сделал и т. д. Одни факты могут противоречить другим. Во-вторых, психологические факторы, играющие роль при оценке присяжными доказательств и выборе тех, на которых они будут основывать свое решение. Можно ли доверять свидетелю, который дал эти показания? Каковы последствия вердикта? Чья версия кажется более достоверной: адвоката или прокурора? С описания этих факторов я и начну.

На основе материала, полученного в результате бесед с присяжными после окончания процесса, была составлена схема, в которую внесены факторы, помимо фактических данных, могущие оказать влияние на решение присяжных. Схема состоит из трех блоков.

Первый блок — «ситуация». Имеются в виду сама ситуация преступления, ее последствия для всех участников. В блок входят три фактора, которые могут оказать влияние на решение коллегии.

Первый фактор — тяжесть преступления, серьезность последствий его совершения для потерпевшего. Выделение этого фактора связано с двумя обстоятельствами: признанием виновности человека в совершении преступления и вместе с тем признанием того, что он заслуживает снисхождения. В первом случае речь идет о том, что не все поступки, зафиксированные в Уголовном кодексе (УК) как преступления, являются таковыми в массовом сознании. Наиболее часто приводимый пример — признание Веры Засулич невиновной в покушении на губернатора. Во втором случае серьезность и жестокость преступления могут помешать присяжным принять решение о снисхождении.

Второй фактор — тяжесть наказания. Он связан с житейскими представлениями о мере наказания, достаточной за совершение каждого преступления. Эти представления опять же могут не совпадать с теми, которые зафиксированы в УК. Справедливости ради отмечу, что реплики присяжных типа «Может, он там что-то и сделал, но не сажать же его за это» встречаются редко.

Третий фактор — подобие ситуации. Речь идет о том, может ли (и если может, то в какой мере) каждый из присяжных поставить себя на место подсудимого или потерпевшего. Приведу два примера.

Пример первый: подсудимый обвиняется в умышленном убийстве. В своих показаниях он говорит, что человек, которого он убил, оскорбил его любовницу. А он, подсудимый, не хотел убивать, просто пытался защитить честь и достоинство женщины. В коллегии присяжных было много женщин. Вердикт коллегии своей гуманностью поверг в изумление даже адвоката.

Пример второй: подсудимый, пожилой уважаемый человек, также обвинялся в умышленном убийстве. Из его показаний следовало, что он не напал, а защищался от нападения. Присяжные согласились с версией адвоката и признали его виновным в превышении пределов необходимой обороны. Делясь впечатлениями, мужчины, входящие в состав коллегии, говорили примерно следующее: «Если бы на меня напали, я бы точно так же поступил».

Однажды я разговаривала с женщиной-прокурором, имеющей большой опыт работы с присяжными. По ее мнению, беда присяжных в том, что они в первую очередь ставят себя на место подсудимого, забывая про потерпевшего, и совершенно не думают о том, что с большой вероятностью могут оказаться в роли последнего. Действительно, чувствуя ответственность за свое решение, присяжные пытаются поставить себя на место подсудимого. Я наблюдала и обратное отношение: люди ставили себя на место потерпевшего, делали предположения о том, что он пережил раньше и что чувствует в данный момент.

Результат выбора объекта для идентификации влияет на то, кому из участников процесса поверят присяжные, чьи показания они возьмут за основу при вынесении решения.

Второй блок — «личность». Зачастую присяжным приходится выбирать одно из двух противоречащих друг другу показаний. Для этого они должны оценить личности (правдивость, добросовестность,

заинтересованность) свидетеля, подсудимого, потерпевшего, дающих показания на процессе. Информация, которую используют присяжные для такой оценки, как раз и относится к данному блоку. Причем эта информация неоднородна. В ряде случаев речь идет о том, как живет или жил оцениваемый человек в прошлом. В то же время важным показателем является его поведение непосредственно в зале суда.

Таким образом, и в этом блоке можно выделить два фактора: 1) описание личности человека, показания которого оцениваются, и 2) его поведение в зале суда.

И третий блок — «**профессиональные приемы**». Он связан с принципом состязательности, в соответствии с которым в задачу каждой из сторон (прокурора и адвоката) входит убеждение присяжных в правильности своей версии происшедшего.

Но вот судебное следствие закончилось, речи произнесены. Присяжные уходят в совещательную комнату, обсуждение началось. Как оно идет? Какие трудности возникают у присяжных? Первая заключается в том, что юридическая реальность отличается от той, в которую мы погружены непосредственно. Юридические нормы, регулирующие процесс решения, отличаются от тех, которые мы используем в обыденной жизни. В суде другие правила игры. Необходимость соблюдать юридические нормы, регулирующие процесс решения, не вызывает сомнений.

А способны ли присяжные усвоить эти юридические правила еще до того, как вынесут вердикт?

Основополагающий принцип здесь — презумпция невиновности. Естественно, этот принцип может быть использован людьми и при решении несудебных конфликтов. Однако встречаются и те, кто исповедует противоположный: «нет дыма без огня», «если посадили, значит, есть за что» и т. д. Если данный принцип не является действенным изначально, во время процесса должна быть создана ситуация, попав в которую присяжные приняли бы презумпцию невиновности как основу для своего решения. В противном случае суд присяжных не имеет смысла. Ведь одна из надежд, возлагаемых на него, связана с тем, что следствие будет проводиться лучше, в нем станет меньше пробелов.

Как создать такую ситуацию? С одной стороны, этому способствует судья, разъясняющий присяжным нормы закона и правила принятия решения, с другой — человек, сидящий на скамье подсудимых. Как и любой другой принцип, презумпция невиновности имеет в виду подсудимого вообще. В зале суда перед присяжными сидит реальный человек. Общение между присяжными и подсудимым не только интеллектуальное, но и эмоциональное. После окончания процесса некоторые присяжные говорили, как трудно взять на себя ответственность за чью-то жизнь и судьбу.

Вообще трудности, с которыми приходится сталкиваться людям в роли присяжных, разнообразны. Одни связаны с попаданием «человека с улицы» в юридическую реальность. Это, во-первых, трудности перехода с обыденных правил решения на юридические и, во-вторых, трудности понимания некоторых терминов из-за несоответствия содержания этих понятий в юриспруденции и обыденной жизни. Характерный пример для первого случая — правило, гласящее: «было не то, что могло быть, а только то, что доказано». Примером для второго случая может служить такое понятие, как «умысел». Не всегда просто понять, что умышленным является не только то преступление, план которого вынашивался преступником долгие месяцы: умысел совершить преступление может возникнуть и сразу же быть реализован.

Другие трудности связаны с недоработками профессиональных участников процесса, например с их плохой дикцией или неспособностью объяснить результаты экспертизы.

В дальнейшем нас будут интересовать только трудности, связанные с принятием присяжными юридических правил решения. Для этого необходимо заглянуть в совещательную комнату, когда присяжные обсуждают вердикт. Это задача, которую нельзя осуществить, находясь в реальном процессе. Тайна совещательной комнаты не может быть нарушена. Выход — наблюдение за поведением игровых коллегий, состоящих не из профессиональных юристов, а из участников игрового процесса. Возможно также интервью с присяжными уже после того, как они вынесли свой вердикт.

Представим модель процесса принятия решения в совещательной комнате, которая стала результатом наблюдения за работой игровых коллегий. Итак, присяжные приходят в совещательную комнату со своей версией вердикта. Если к этому моменту индивидуальное мнение еще не сформировано, то оно возникает во время обсуждения.

Первый компонент модели: точка отсчета. (Не хочу начинать с определения, к нему мы подойдем постепенно.) В ходе судебного следствия можно выделить группы участвующих в нем персонажей.

Во-первых, это потерпевший, прокурор и свидетели обвинения. Во-вторых, подсудимый, адвокат и свидетели защиты. В-третьих, работники милиции.

О последней группе стоит поговорить особо. Зачастую люди, относящиеся к этой группе, вообще не появляются в зале суда, но почти всегда присутствуют «за кадром». Это следователь, который вел дело, и работники милиции, общавшиеся с подсудимым во время следствия. Вопрос, который обсуждается в связи с этими персонажами, — оказывали ли они давление (физическое или психологическое) на подсудимого в ходе следствия? Дело в том, что показания человека в качестве последственного (на предварительном следствии) и подсудимого (в зале суда) часто различаются. И присяжные должны взять за основу какие-то одни.

Таким образом, *точка отсчета* — одна из вышеописанных групп персонажей. Для краткости назовем их «подсудимый», «потерпевший», «милиция».

Во время процесса принятия решения, обсуждая те или иные предположения и факты, присяжные отталкиваются от действий одного из персонажей. Например: «подсудимый сделал это» или «потерпевший этого не делал». От того, кто из персонажей будет взят за точку отсчета, иногда зависит финальное решение. Однако в большей степени оно определяется отношением присяжных к тому или иному персонажу.

Для того чтобы процесс решения «пошел», нужно, чтобы присяжный выбрал себе такую «точку». Ее поиск может происходить во время обсуждения. Показателем поиска могут служить вопросы присяжных судьбе типа «Являются ли показания подсудимого бесспорным доказательством?» и т. п.

Процесс, играющий важную роль при выборе точки отсчета, — идентификация с одним из участников процесса. Именно возможность идентификации с данным персонажем определяет в ряде случаев вероятность принятия его за точку отсчета.

У присяжного может быть и более одной точки отсчета. Если позиции «точек» в ходе судебного следствия противоположны, то и отношение к ним должно в конечном итоге стать противоположным. В противном случае возникает когнитивный диссонанс со всеми эмоциональными последствиями.

Перейдем к описанию второго компонента модели — *отношения*. Отношение к персонажу, принятому за точку отсчета, может быть положительным или отрицательным. Например: «К. (подсудимого) жалко. Молодой еще, а уже вся жизнь испорчена».

Отношение проявляется и в том, чьим показаниям присяжный верит. Как уже отмечалось, в ходе судебного следствия присяжные получают противоречивую информацию. Каждый участник может противоречить как другим, так и самому себе. Задача присяжных — оценить доказательства в совокупности. Естественно, в ходе оценки доказательств одни будут приняты за основные, а другие отброшены как им противоречащие. Отношение может проявляться в том, что перечисляются доказательства, говорящие либо «за», либо «против» одного из персонажей. Например, «потерпевший помогал старушке», «потерпевший был пьян».

Третий компонент модели — *тип реальности*, из которой присяжные черпают материал для обсуждения. Я выделила две реальности и назвала их «может быть» и «доказано».

При наблюдении за обсуждением вердикта в совещательной комнате в глаза сразу бросается различие в материалах дела, обсуждаемых присяжными. Например: присяжный / говорит: «Вот показания свидетеля X, из которых следует, что подсудимый совершил то, в чем его обвиняют»; присяжный 2 возражает: «А я не верю свидетелю X, такие люди часто врут»; присяжный 3 поддерживает его: «Могло ли на самом деле произойти то, о чем говорит свидетель XI».

Присяжный 1 базируется непосредственно на доказательствах, при отсутствии или недостатке которых подсудимый должен быть признан невиновным. Этот присяжный работает в реальности «доказано». Правило решения в данном случае звучит так: «Было только то, что доказано, нет доказательств — не было преступления».

Присяжные 2 и 3 оценивают ситуацию и людей, участвующих в ней, на основе житейского опыта. Это и есть реальность «может быть». В данном случае рассматривается не только то, что представлено в ходе судебного следствия. Доказательства оцениваются, ситуация достраивается. Здесь бывшим признается то, что с наибольшей вероятностью могло произойти с житейской точки зрения. Доказанность не является основой принятия решения о том, что преступление совершено.

В представленной модели речь идет в основном о том, как решается вопрос о доказанности совершения преступления подсудимым. Но есть и другой вопрос: «А виновен ли подсудимый в этом?». Вопрос о соотношении понятий «доказано» и «виновен» интересный и непростой. Содержание этих понятий различно для юристов и «людей с улицы». Ведь конечное решение во многом зависит от того, как присяжные понимают это соотношение.

Точка зрения, основная для юристов: преступление доказано, подсудимый вменяем, значит, он виновен. То, насколько тяжелым будет наказание, определяется, признает ли суд человека заслуживающим снисхождения. За таким решением стоит утверждение: «Все поступки, которые зафиксированы в уголовном кодексе как преступления, на самом деле являются таковыми. Любой подобный поступок должен быть наказан».

В реальном процессе судья, как правило, не объясняет присяжным, как соотносятся понятия «доказано» и «виновен», предоставляя решение этого вопроса на их усмотрение. Редко, но бывает, что какой-либо другой участник процесса берет на себя миссию разъяснить присяжным этот спорный вопрос. В качестве примера можно привести трактовку «виновности», данную одним из прокуроров. Он сказал, что человек может быть признан виновным, если действовал сознательно и желал совершить данный поступок-преступление. С одной стороны, прокурор сделал для присяжных ситуацию более определенной. С другой стороны, такая трактовка неуниверсальна. Она была бы вполне приемлема в случаях с кражами и развратными действиями, о которых идет речь, однако была бы неприемлема, если бы рассматривалось неумышленное убийство. Вместе с тем такая трактовка — вариант классический, описанный выше. В ее основе также лежит представление об Уголовном кодексе как основании деления деяний на преступления и поступки. Введение ограничений в данном случае не есть опровержение общего принципа.

При решении вопроса о виновности мы сталкиваемся с субъективным элементом. Мы должны оценить не только то, что произошло, но и то, в каком состоянии был подсудимый. В одном из игровых процессов старшина коллегии присяжных-прокуроров во время обсуждения был вынужден сформулировать различие понятий «доказано» и «виновен». Речь шла о халатности помощника машиниста, которого обвиняли в том, что он не выполнил свои обязанности. Старшина определил «доказанность» как объективный элемент: выполнил ли подсудимый свои обязанности? А «виновность» уподобил субъективному элементу: а мог ли он их выполнить в полном объеме? Здесь выделяется значимость субъективного элемента при решении вопроса о виновности.

Вопрос можно поставить и по-другому. А есть ли в Уголовном кодексе классификация поступка как преступления? Является ли поступок, в котором обвиняется подсудимый, преступлением, и надо ли наказывать человека за его совершение? В таком случае позиция судьи будет следующая: «Может, подсудимый и совершил это, но не наказывать же его». Такое возможно в ситуации, когда социальные нормы уже изменились, а закон — нет. Присяжные в этом случае корректируют закон в соответствии с распространенными в обществе представлениями.

Таким образом, идея суда присяжных отличается от идеи профессионального суда. Закон связан с государственными структурами, социальные нормы — с обществом. Какая структура может и должна осуществлять правосудие? Готовы ли наши граждане стать судьями? От того, как будет решен этот вопрос, во многом зависит судьба института суда присяжных в нашей стране.

* * *

Но вот процесс закончен. Решение принято. Судья выносит приговор. Работа присяжных завершена. С чем уходят из зала суда «люди с улицы», ставшие на время «судьями факта»?

Есть такое понятие — правовая культура. Конечно, это прежде всего понимание норм права. Затем — поведение, осуществляемое в соответствии с этими нормами, знание о тех последствиях, к которым приводят противоправные действия.

Человек может выступать в роли как судьи, так и подсудимого. Перечисленные моменты значимы для него в обоих случаях. Но есть еще один, специфичный для судьи пункт: осознание ответственности за принятое решение.

Как психолога меня интересовал вопрос о причинах и степени удовлетворенности присяжных своим участием в процессе. Оказалось, что причины разнообразны, а отношение зачастую двойственно.

Начнем с того, что не все присяжные удовлетворены своим участием в процессе. Иногда удовлетворенность по одному из критериев соседствует с неудовлетворенностью по другому. В целом как удовлетворенность, так и неудовлетворенность могут быть связаны с самой деятельностью или с ее результатом. Иногда присяжные объясняют свое состояние тем, что: «было интересно во время процесса»; «почувствовал свою значимость и смог проявить себя во время обсуждения».

Интерес к происходящему обусловлен новизной ситуации, в которой находятся присяжные. Зачастую присяжные попадают в суд первый раз. Для них дают свои показания свидетели, потерпевший и

обвиняемый. Для них отвечает на поставленные сторонами вопросы эксперт. Их задача — разобраться в сложных отношениях, существующих между незнакомыми им подсудимым, потерпевшим, свидетелями. Именно это и является причиной интереса присяжных к происходящему. Некоторые присяжные признаются, что момент оценки подсудимого, потерпевшего, свидетелей очень важен, и жалеют, когда на суде не присутствует кто-либо из них.

Причиной удовлетворенности или ее отсутствия могут стать не только познавательная потребность или подтверждение собственной значимости. Фактором, определяющим состояние присяжного, может быть и конечный результат. В этом случае присяжные говорят, что «я удовлетворен своим участием, так как вынесено справедливое решение», или «я не удовлетворен, так как решение было несправедливым».

Существуют два способа установления справедливости: обвинить человека или оправдать его. В первом случае часть присяжных говорили не об установлении справедливости. Удовлетворение было связано с возмездием, определением меры наказания: «Преступление должно быть наказано, наказание должно быть соответственным». Во втором случае присяжные говорили о жалости к подсудимому или бессмысленности наказания.

Восстановление справедливости становится ведущим мотивом в ситуациях неопределенности, когда показания разных участников процесса резко противоречат друг другу.

Наконец, присяжные вынесли решение. Это «восстановление справедливости», с одной стороны, и «слишком большая ответственность» — с другой. С осознанием этой ответственности связаны и жалобы присяжных на то, что им пришлось выполнять не свойственную им работу. Действительно, ситуация не определена, правила игры не ясны, подготовительная фаза коротка, решение надо принимать достаточно быстро (обычно через 3—5 дней). Человеку говорят, что он должен исполнить свой долг, но сам он не всегда до конца уверен в том, что может это сделать. «Нас надо готовить заранее, вводить в курс дела постепенно», — сказал один из присяжных. Так, вопрос «А могут ли обычные люди принимать решение за профессионалов?» оказался значим не только для юристов, но и для этих людей. Умение брать на себя ответственность — это часть правовой культуры.

На мой взгляд, главное достоинство суда присяжных состоит в том, что он позволяет устранить субъективизм одиночного судьи. В совещательной комнате сталкиваются разные мнения. И это залог того, что дело будет рассмотрено со всех сторон.